

Б. Л. ПАСТЕРНАК

ПИСЬМА к В. М. САЯНОВУ

Публикация А. В. Лаврова

Письма Б. Л. Пастернака к поэту и прозаику Виссариону Михайловичу Саянову (1903—1956) в основном посвящены сотрудничеству в ленинградском литературном журнале «Звезда».

К концу 1920-х годов один из них — уже признанный мастер стиха, воспитанный в системе традиций и идеалов дореволюционной интеллигенции; второй — начинающий комсомольский поэт из Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, написавший несколько критических и историко-литературных работ. В них было немало вульгарно-социологических построений и типично «раповских», «напостовских» приемов литературного анализа, но одновременно в них же обнаружились и стремление отдать должное дарованию рассматриваемых авторов, начитанность, намерение привить читателю задатки исторического мышления, показать закономерность эволюции жанров и стилей. Говоря о судьбах русского футуризма, Саянов упоминает и о Пастернаке.¹ Он подмечает особое положение Пастернака среди футуристов, указывает на Рильке как его учителя, говорит о Пастернаке как о поэте, работающем «преимущественно на традиционных метрах» и в этом смысле (а также принципами языкового отбора и организацией синтаксиса) расхопившемся с принципами Маяковского.² Саянов признает Пастернака — наряду с Маяковским, Асеевым и Н. Тихоновым — крупнейшим из современных поэтов.³

Справедливо отмечалось, что Саянов, будучи членом РАППа, «занимал в решении творческих вопросов особую позицию, более широкую, чем у большинства его товарищей по литературному объединению. В. Саянов

¹ Саянов В. 1) От классиков к современности. Л., 1929, с. 158; 2) Начала стиха. Л., 1930, с. 96.

² Саянов В. Очерки по истории русской поэзии XX века. Л., 1929, с. 97, 102.

³ Саянов В. Современные литературные группировки. Л., 1928, с. 24—25.

ни от чего и ни от кого заранее и априорно не отказывался и не зарекался; он шел на сближение с художниками самых различных направлений и школ — поверх барьеров групповой борьбы, предвзятых оценок, сектантских взглядов (весьма широко распространенных в то время)». ⁴ Эти особенности Саянова в полной мере сказались и на его редакторской работе в «Звезде» — журнале, привлекавшем к сотрудничеству лучшие силы советской литературы того времени. ⁵

Переписка между Пастернаком и Саяновым возникла в связи с печатаемым в «Звезде» «Охранной грамоты» — автобиографической повести, в которой Пастернак пытался выразить суть своих взглядов на природу художественного творчества. До этого Пастернак уже опубликовал ряд своих стихотворений в «Звезде». ⁶ Первую часть «Охранной грамоты» он сдал в 1928 г., рассчитывая опубликовать там же и остальные части. ⁷ Однако завершение книги затянулось, и в «Звезде» увидела свет только ее первая часть, в которой описаны юношеское увлечение музыкой, встречи с Рильке и Скрябиным и отъезд в Германию. ⁸ Ответные письма Саянова не сохранились, но из публикуемых писем видно, что он всегда шел навстречу Пастернаку в его просьбах и заботах, высоко ценил его дар и стремился привлечь его к постоянному сотрудничеству в «Звезде».

---

⁴ Соловьев Б. Поэзия Виссарiona Саянова. — В кн.: Саянов В. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 10—11.

⁵ О редакторской деятельности Саянова в «Звезде» см.: Хренков Дм. Виссарion Саянов. Путь поэта. Л., 1975, с. 99—130.

⁶ В «Звезде» были опубликованы: «Еще в марте Бурап...» (отрывок из поэмы «Девяносто пятый год») (1926, № 2, с. 140—142), «Бал-зак» (1928, № 4, с. 46—47), стихотворный цикл «Из старой тетради» (1928, № 8, с. 57—59), «Марбург» (новая редакция) (1928, № 9, с. 34—36).

⁷ 28 января 1929 г. Пастернак писал П. П. Медvedеву: «...должна быть дописана автобиографическая вещь (памяти Рильке) об искусстве, половина которой готова и лежит в „Звезде“ под временным, впрямь до изменения, заглавием „Охранная грамота“: редакция по неопценной своей любезности воздерживается от печатания этой давно оплаченной части, пока не допишу всего» (ГПБ, ф. 474, № 7).

⁸ Звезда, 1929, № 8, с. 148—166. В этом же номере «Звезды» был напечатан «Реквием по Вольфе графе фон Калькрейт» Райнера Мариа Рильке в переводе Пастернака (с 167—170; беловой автограф этого стихотворного перевода сохранился в архиве «Звезды», см.: ИРЛИ, ф. 109, № 111). При публикации первой части «Охранной грамоты» в «Звезде» в тексте были сделаны три сокращения. Два из них Пастернак восстановил в отдельном издании «Охранной грамоты» (Л., 1931): первый отрывок — три абзаца от «В возрастах отлично разбиралась Греция...» до «...поступь и обстановка считались обычными» (с. 16—17); второй — два абзаца от «Я не пишу своей биографии...» до «...ответом, который я могу дать за себя и своего поэта» (с. 18—19). Третий отрывок восстановлен не был; он завершал 8-ю главу, в которой Пастернак рассказывал о подготовке к поездке в Марбург для слушания университетских курсов летом 1912 г. (с. 31; см.: Звезда, с. 163 — после слов: «...и держался весь мой характер»). Отрывок сохранился в наборной беловой машинописи «Охранной грамоты» в архиве «Звезды»: «Безличная услужливость, которую я теперь разделяю со всеми моими современниками — по всему свету, вероятно тоже времени. И вероятно в тот день, когда спитомы, отличающие землю XX-го века от Юпитера или Венеры, опять хлынут в мои стихи, этих неповторимых признаков неповторимого бытования опять на стенах у меня не будет» (ИРЛИ, ф. 109, № 215, л. 23).

В 1930—1940-е годы «Звезда» уделяла творчеству Пастернака большое и сочувственное внимание. В специальной статье А. К. Тарасенкова Пастернак был назван замечательнейшим поэтом современности. Поставив своей задачей «дать картину движения художественного мировоззрения поэта», критик сделал немало любопытных наблюдений над характером творческой эволюции Пастернака.⁹ Попытку вскрыть «философско-методологические основы творчества поэта» предприняла Р. Миллер-Будицкая, развивая мысль об органическом единстве мировоззрения и концепции искусства у Пастернака и Рильке.¹⁰ О Пастернаке писал в статье «На поэтические темы» В. П. Друзин,¹¹ а С. Д. Спасский в своем «Письме о поэзии» одним из первых охарактеризовал военные стихи Пастернака, подметив в них тягу к эпосу и образной простоте.¹² В «Звезде» было впервые опубликовано стихотворение Ахматовой «Борис Пастернак» («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...»)¹³

Письма Б. Л. Пастернака печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве В. М. Саянова (ф. 597). Отрывки из письма от 5 августа 1929 г. были воспроизведены (с неточностями) в кн.: Хренков Дм. Виссарион Саянов. Путь поэта, с. 111—112. Выражаю глубокую признательность Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернаку за предоставление ряда материалов, использованных в настоящей публикации, и ценные советы.

1

5 VIII <19>29.

Глубокоуважаемый тов. Саянов!

Простите: знаю Ваше имя, но не знаю отчества. Пишу в крайних торопях. Я живу за Можайском в глуши, где почтовые сношения очень затруднены (в 8-ми верстах от города),¹ сегодня на несколько часов приехал по делам в город и предстоит большая гонка. Этим и объясняется сильная запоздалость моего ответа: только сейчас вскрыл В<аше> письмо, пролежавшее в пустой квартире, у соседей, больше неделл.

<Напечат>айте,^а если не поздно, в <ко>нце отрывка следующее. «От автора. Продолжение Охранной Грамоты появится в одном из зимних номеров Звезды. Все сделаные в отрывке оценки являются воспоминаньями: их жар надо отнести к тем далеким годам, когда они составлялись и впервые произносились. Как

⁹ Тарасенков А. Борис Пастернак. — Звезда, 1931, № 5, с. 228—235.

¹⁰ Миллер-Будицкая Р. О «философии искусства» Б. Пастернака и Р. М. Рильке. — Звезда, 1932, № 5, с. 160—168.

¹¹ Звезда, 1936, № 1, с. 242—247.

¹² Звезда, 1945, № 1, с. 122—123. В «Звезде» также были помещены рецензии Инп. Оксепова — на «Избранные переводы» Пастернака (М., 1940) (Звезда, 1941, № 5) и И. Громова — на книгу стихов «Земной простор» (М., 1945) (Звезда, 1945, № 5—6).

¹³ Звезда, 1940, № 3—4, с. 74.

^а Угол листа оторван.

именно остывали эти убеждения и какими заменялись, будет показано дальше».²

Надеюсь такое разъяснение удовлетворит редакцию. Если номер выйдет до 1-го сентября, пришлите мне его, пожалуйста, *простой* бандеролью по следующему адресу: Можайск Московской губернии, Зинаиде Ивановне Кончаловской, для Б. Л. Пастернака. Соблюдайте, пожалуйста, всю строгую последовательность адреса. При отступлении от нее получаются почтовые осложнения, изобилующие верстами и днями. Этим же адресом воспользуйтесь, если авторское замечание не удовлетворит редакцию и переписка по этому поводу продолжится. Но *не пишите заказных* писем: опять те же осложнения.

Вашему письму был очень рад и всегда ценил Ваши стихи. Просить извинения Вам решительно не в чем, и вообще вся эта сторона Вашего письма, смягчающая неприятность, говорящая о моей ценности как сотрудника Звезды и пр. и пр., мне была тяжка. Охранную Грамоту продолжать буду обязательно и нигде кроме Звезды никогда печатать не предполагал. Простите за невольное промедление. Крепко жму Вашу руку. Если нетрудно будет, известите открыткой в Можайск, улаживает ли моя приписка к отрывку дело и успею ли я до 1 сентября получить №.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Пастернак с семьей жил на даче Огневский Овраг (в 90 км от Москвы) у историка и публициста, бывшего профессора Московского университета Дмитрия Петровича Кончаловского (1878—1952) и его жены Зинаиды Ивановны Кончаловской. 20 августа 1929 г. Пастернак писал П. Н. Медведеву: «С месяц живу под Можайском в семье одного историка Рима, — род пансионера. Когда-то очень давно, когда он и сам был мальчиком, а я — младенцем, мои родители были дружны с его семьей, а потом, с кончиной его родителей, это разладилось, и нашему теперешнему симбиозу предшествует более чем 30-летний перерыв. В силу изложенного он с особенной теплотой выделяет меня из числа своих нахлебников; и он не может меня третировать как мальчика: я тут с женой и ребенком, мне 39 лет, мое имя и профессия ему, стороной, известны» (Труды по знаковым системам, V. Тарту, 1971, с. 528—529).

² Сообщение Пастернаком примечание было помещено на первой странице публикации «Охранной грамоты» в «Звезде» (1929, № 8, с. 148). Сделано оно было по просьбе редакции журнала. Первоначально произведение должно было открывать июльский номер «Звезды», но затем было отложено до следующего номера. В семейном архиве Пастернаков сохранилась корректура «Охранной грамоты» из «Звезды» (№ 7, с. 5—23).

2

27 II <19>30.

Глубокоуважаемый Виссарион Михайлович!

Благодарю Вас за письмо. Деньги мне нужны гораздо скорее, чем Вы обещаете. Я опять без гроша. Если Вы уверены, что продолжение «Охранной Грамоты» пригодится «Звезде», и ду-

маете, что мне можно будет уплатить по 400 р. с листа (то, что я получу в Н<овом> Мире), поторопите, пожалуйста, как только можете, редакцию высылкой намеченной Вами к марту суммы.¹

Ваши слова, что редакция считает меня «одним из наиболее близких и нужных сотрудников „Звезды“», лишний раз напоминают мне о ложности моего положения, угнетающего меня год от году все больше, и в котором я не повинен.²

Ведь я не вредитель. Книжки мои выходят не под крепом, не за слоем матовой калки. В них все прозрачно. Что же Вы в них нашли актуального и полезного?

Разве я не индивидуальность? Мне никогда это не казалось попутной случайностью, от которой можно отвлечься, что-нибудь сохранив в остатке. Но разве это не то, с чем теперь борются с таким воодушевлением?³ И как можно признавать меня, если и Британская энциклопедия относится ко мне незаслуженно лестно, в статье о русск<ой> литературе.⁴

Если бы у меня не было семьи и в нравственном плане я не был средним человеком, то, глядя, что творится кругом, я должен был бы выступать в печати с возражениями против благожелательной критики. Все это скверная и мучительная загадка. Жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

А прислали бы мне лучше Вашу книгу (поэму: П. Н. Медведев в переписке ссылался на нее).⁵

Деньги, если собираетесь слать, пришлите, пожалуйста, в течение недели. Если нельзя, известите. На этом настаиваю. Надо будет найти другой выход. Прошу Вас.

¹ В ведомостях журнала «Звезда» за Пастернаком записан аванс 547 руб. (ИРЛИ, ф. 109, № 835).

² Рассуждения Пастернака могли быть непосредственно продиктованы (кроме несохранившегося письма Саянова к нему) и только что вышедшей тогда в «рапповском» журнале «На литературном посту» статьей И. Виноградова «Виссарион Саянов» (1930, № 4, февраль, с. 36—45). Пастернак был объявлен в ней одним из «литературных предшественников Саянова в смысле изобразительной фактуры», «исключительным мастером стиха» и в целом охарактеризован чрезвычайно высоко, хотя и было отмечено, что его художественный метод вырастает «на идеалистической основе» (там же, с. 43). Пастернака могла приводить в недоумение эта «терпимость» к нему при общем догматизме, нормативности и проработочном характере критико-полемической линии РАППа.

³ Драматические раздумья о своем месте в современном литературном процессе, осознание своего особого, двойственного положения в нем и одновременно потребность в исповеди сопровождали Пастернака на протяжении всей работы над «Охранной грамотой». В письме П. Н. Медведеву от 30 декабря 1929 г. он признавался: «Как все это, в общем, тяжело! Сколько кругом ложных карьер, ложных репутаций, ложных притязаний! И неужто я самое яркое в ряду этих явлений? Но я никогда ни на что не притязал. Как раз в устраненье этой видимости, совершенно невыносимой, я стал писать Охранную Грамоту. Я готов быть осужденным и вычеркнутым из поминанья за дело, на основании моей действительной личности, но не иначе <...> Отсюда усиленный автобиографизм моих последних вещей: я не люблю тут ничем, я отчитываюсь как бы в ответ

па обвиненье, потому что давно себя чувствую двойственно и пеловко. Покорей бы довести до конца совокупности этих разъяснительных работ» (Труды по знаковым системам, V, с. 531). Ср. стихотворение Пастернака «Другу» (Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 199; впервые опубликовано: Новый мир, 1931, № 4, с. 63).

⁴ В статье «Русский язык и литература» («Russian Language and Literature») в «Британской энциклопедии» (1929) сообщалось: «Борис Пастернак (...) — несомненно, крупнейший из ныне живущих русских поэтов (...) — внешне связан с некоторыми принципами футуризма, но по существу гораздо ближе к традициям Тютчева и Фета. Его поэзия отмечена абсолютной свежестью восприятия и стиля в соединении с напряженностью лирического чувства, что можно найти только у классиков. Наивысшего уровня достигает и его проза (...); раскрывая подлинную сущность человеческой души, она стоит обособленно от прозы его современников» (Encyclopaedia Britannica, vol. 19, p. 757). Автором этих строк был Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890—1939?) — критик, литературовед, лектор русской литературы в Лондонском университете в 1922—1932 гг. (стал членом Британской коммунистической партии и в 1932 г. вернулся в СССР). Пастернак был заочно знаком с ним с 1926 г. через М. И. Цветаеву (см. письмо Цветаевой к Пастернаку от 10 июля 1926 г.: Цветаева М. Неизданные письма. Paris, 1972, с. 315), а впоследствии и лично. В письме к С. Д. Спасскому от 3 января 1928 г. Пастернак упоминает «неожиданно теплые, незаслуженные, преувеличенные» письма от Мирского (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 166). Мирскому принадлежит также статья о книге Пастернака «Грузинские лирики» (М., 1935) — «Пастернак и грузинские поэты» (см.: Мирский Д. Литературно-критические статьи. М., 1978, с. 253—265). Письма Мирского к Пастернаку сохранились в архиве Б. Пастернака (Москва).

⁵ Медведев Павел Николаевич (1891—1938) — литературовед, критик, в 1929—1930 гг. сотрудник литературно-художественного отдела Ленгиза. Письма Медведева к Пастернаку не сохранились. Речь идет о поэме Саянова «Картопажная Америка» (Л., 1929), вызвавшей единодушную критическую отповедь. См. рецензии М. Зенкевича (Новый мир, 1929, № 6, с. 218), А. Македонова (На литературном посту, 1929, № 17, с. 67) и О. Бескина (Красная новь, 1929, № 10, с. 225). В этой пародийной «поэме-детективе» Саянов ставит перед собой формально-экспериментальные задачи, прибегает к разнообразной технике стиха, использует черты конструктивистской поэтики.

3

18 IV <19>30.

Дорогой Виссарион Михайлович!

Вскоре после нашей встречи пришло прилагаемое отношение. Будьте, пожалуйста, добры, похлопочите о перечислении долга на «Звезду», т. е. о приобщении этой суммы к ранее полученным авансам.¹ Это напоминание, кончающееся угрозой, не входило в мои расчеты, когда я с Вами говорил, а то бы я более обстоятельно посоветовался с Вами. Может быть, обстоятельства сложатся так, что мне придется просить о временной отсрочке части суммы при расплате по «Охранной» Грамоте.² Это будет видно через месяц; насколько будет в моих силах, постараюсь этого избежать.

Теперь понятнее встревоженная настоятельность Ваших прак-

тических предложений. Вероятно, Вы знали о готовящемся требовании. Тем признательнее за живость Вашей заботы.

Ваш Б. Пастернак.

¹ В 1929 г. Пастернак получил в Ленгизе аванс под свой роман в стихах «Спекторский», обещанный этому издательству. Рукопись должна была быть представлена к середине лета 1929 г., но ее завершение замедлилось из-за того, что Пастернак увлекся работой над прозаической «Повестью», сюжетно и тематически связанной со «Спекторским» (опубликована: Новый мир, 1929, № 7, с. 5—43; отд. изд.: Пастернак Б. Повесть. Л., 1934). 6 ноября 1929 г. Пастернак выслал в Ленгиз рукопись «Спекторского», но роман не был там одобрен (судя по письмам Пастернака к П. Н. Медведеву, он был найден фрагментарным и недостаточно определенным, «бесформенным»). Тогда Пастернак решил отложить печатание «Спекторского» и расторгнуть договор с Ленгизом. «От всего происшедшего остается долг мой Ленгизу в размере полученного прошлый год аванса, — писал он 30 декабря 1929 г. П. Н. Медведеву. — Я обязуюсь его вернуть. В крайнем случае, если я не встречу иной возможности с ним расплатиться, я эту сумму отработаю в „Звезде“» (ГПБ, ф. 474, № 7). Однако 9 января 1930 г. он писал ему же: «Не переводите, пожалуйста, аванса на „Звезду“, пока что. Вероятнее всего, его вернут за меня из „ЗИФа“ или еще откуда-нибудь в ближайшее время. Причем это будет простым выкупом и знаменовать собой перепродажи не будет <...> я все сплы приложу к тому, чтобы „Спекторского“ не издавать сейчас, чтобы он полселал у меня и пр. и пр.» (там же).хлопоты Пастернака не увенчались ожидаемым результатом, и просьба его к Саянову была вызвана, вероятно, требованием Ленгиза возместить предоставленный аванс. См. также письмо 4

² Намерение Пастернака печатать продолжение «Охранной грамоты» в «Звезде» не было осуществлено. 2-я и 3-я части книги появились в журнале «Красная новь» (1931, № 4, с. 3—23; № 5—6, с. 32—46).

4

15 V <19>30.

Дорогой Виссарион Михайлович!

Во-первых, я не поблагодарил Вас вовремя: за деньги, которыми ссудил меня П. П.;¹ за улаженье претензии Ленгиза и телеграмму об этом. — Все это превращается у меня в крупную задолженность перед «Звездой», которую я надеюсь погасить (т. е. отработать) к осени, и может быть полностью. Разумеется, всем этим Вы страшно облегчили мне жизнь и работу, и не знаю слов, которые выразили бы мою благодарность.

Но делу о 656-рублевом ленгизовском авансе под «Спекторского»² был, очевидно, дан ход до Ваших переговоров. На днях я получил из Юридического бюро Гиза требование о погашении этой злосчастной задолженности. Юрбюро действует по просьбе Ленинградского отделения и грозит в случае неуплаты судебным взысканьем. Я подам туда заявление о состоявшемся перечислении долга с Лит-Худа Ленгиза³ на «Звезду», основываясь на Вашей телеграмме. Но я и Вас просил бы распорядиться о том, чтобы Юрбюро и его юрисконсульт, тов. Ломакин, были Ленгизом извещены о состоявшейся конверсии. Пожалуйста, просите, что со мной столько всегда хлопот. Делового письма не

хочу осложнять интимностямп, напишу как-ниб<удь> в другой раз, когда и поделюсь ближайшими планами.

Крепко жму Вашу руку. Еще и еще раз большое спасибо.

Ваш Б. П.

¹ Неустановленное лицо.

² Окончательно Пастернак завершил работу над «Спекторским» летом 1930 г. в Ирпене под Киевом. 29 сентября 1930 г. он писал С. Д. Спаскому: «...мне удалось кончить стихотворного „Спекторского“, то есть он стал похож на книгу с началом и концом. Вчера я сдал его в „ЗИФ“» (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 172). «Спекторский» вышел в свет отдельным изданием в 1931 г. в Государственном издательстве художественной литературы.

³ Т. е. Литературно-художественный отдел Лепгиза.

5

«Конец 1945 г.».

Милый Виссарион Михайлович!

Что слышно насчет Фальстафа? В январе хотя, чтобы я его прочел во Всесоюзном Театр<альном> обществе, и мне понадобятся рукописи, п<отому> ч<то> мой экземп<ляр> неразличимо бледный. Отобрали ли отрывки и переписали ли их?¹ Затем нельзя ли получить немного денег? На случай возможного перечисления предлагаю заявление. Мне думается почему-то, что Вы до сих пор в Ленинграде. Жму руку.

Ваш Б. Пастернак.

Если деньги удобнее перевести по почте, то переведите тогда на имя жены, Зинаиды Николаевны Пастернак: Москва 17, Лаврушинский 17/19, кв. 72.

¹ Речь идет об отрывках из перевода исторической хроники Шекспира «Король Генрих Четвертый» (в двух частях). Перевод пьесы был закончен Пастернаком к сентябрю 1945 г. «Совсем недавно освободился от Генриха», — сообщал он 9 сентября 1945 г. Симону Чиковани (Вопросы литературы, 1966, № 1, с. 181). Выпущена в свет пластинка с записью «шекспировских» чтений Пастернака «Вильям Шекспир в переводах С. Маршак и Б. Пастернака» (М40-38965-66): «II сторона. Б. Пастернак. О пьесе Шекспира „Король Генрих IV“. В. Шекспир. „Король Генрих IV“. Действие II, сцена 4-я. Действие III, сцена 3-я. Перевод Б. Пастернака. Читает Б. Пастернак (запись 1947 г.). Составитель Л. Шилов».

Избранные «бытовые» сцены хроники с участием Фальстафа Пастернак предложил для публикации в «Звезду». В архиве Саянова сохранился его краткий отзыв на рукопись Пастернака: «Шекспир (Генрих IV. Перевод Пастернака). Печатать все, выбранное Берковским, а также намеченное И. В. Овчаровым <...> Печатать обязательно в № 3. Пастернак — один из тех московских авторов, которые хотят работать в „Звезде“ и симпатизируют нашему журналу» (ИРЛИ, ф. 597). Сцены из «Короля Генриха Четвертого» в переводе Пастернака и послесловие к ним Н. Я. Берковского были опубликованы в «Звезде» (1946, № 2—3, с. 118—143). Первое полное издание перевода Пастернака см.: Шекспир В. Генрих IV. Историческая хроника. М.—Л., 1948. О своем намерении сделать «из двухчастного Ген-

риха IV-го» «одночастного Фальстафа» Пастернак писал А. О. Наумовой еще 30 июля 1942 г. (Мастерство перевода. 1969. М., 1970, с. 358). Е. Б. Пастернак сообщает, что поэт осуществил это намерение в 1956—1957 гг.: «Рукопись сокращенной одночастной редакции „Генриха IV“ в 4 действиях и 14 картинах хранится в архиве Бориса Пастернака» (там же).

6

Г.

Дорогой Виссарион Михайлович!

Совершенно неожиданно и в очень нужную минуту пришел гонорар из «Звезды».¹ Спасибо. А я как раз думал эти дни о журнале, и повод и причину при сем препровождаю.

Я написал предисловие к своим шекспировским переводам для издательства «Искусство».² Я только что его закончил и не могу судить о нем, но мне кажется, что какие-то куски из него могут представлять общий интерес и годятся для напечатания отдельно от переводов.³ Как Вы думаете? Прочтите, пожалуйста, и протелеграфируйте мне свое мнение применительно к «Звезде».

Если это Вам подойдет, кроите материал, как хотите. Надо будет, наверное, еще какие-то две-три вводных редакционных фразы в начале. Или прямо начать «Стиль Шекспира»? Нет, это не годится. Это ведь не *статья* о Шекспире, необходимо, чтобы видно было, что это предисловие, что это сопроводительные заметки к чему-то частному и определенному. Как бы то ни было, ответьте телеграммой.

Какую-то совсем особую роль для меня в соприкосновении с действительностью и миром стали играть мои вечера. Это что-то новое, в точности совпавшее с моим внутренним чувством должного и превзошедшее мои внешние вынужденные и притворные расчеты. Если, *бог* даст, я буду жив и будет время, займусь этим шире, тогда приеду к Вам.

Крепко жму Вашу руку.

Отвечайте.

18 VI 1946.

Ваш Б. Пастернак.

До Вашего ответа не буду предлагать никому в Москве.⁴

¹ Гонорар за публикацию «фальстафовских» сцен «Короля Генриха Четвертого» (см. письмо 5).

² Имеется в виду издание: Вильям Шекспир в переводе Бориса Пастернака. [Т. 1]. Ромео и Джульетта. Король Генрих Четвертый. Гамлет принц Датский; [Т. 2]. Отелло, венецианский мавр. Король Лир. Антоний и Клеопатра. Общая ред. перевода М. М. Морозова. М.—Л., «Искусство», 1949. Предисловие Пастернака — «Заметки к переводам шекспировских трагедий» — в это издание не вошло и впервые было опубликовано (с сокращениями и в переработанном виде) десять лет спустя (см.: Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. М., 1956, с. 794—809). Отдельные заметки Пастернака о переводе Шекспира были опубликованы в прижизненных газетах и журналах, а также посмертно (см.: Мастерство перевода. 1966. М., 1968, с. 105—110). См. также: К переводам шекспировских драм. (Из переписки Бориса Пастернака). — Мастерство перевода. 1969, с. 341—363; Б. Пастернак и Г. Козинцев.

Письма о «Гамлете». — Вопросы литературы, 1975, № 1, с. 212—223; Пастернак Б. Заметки переводчика. — Знамя, 1944, № 1—2, с. 165—166. Шекспировские заметки Пастернака рассматриваются в статьях Л. Озерова «Заметки Пастернака о Шекспире» (Мастерство перевода. 1966, с. 111—118) и «Пастернак и Шекспир» (Шекспировские чтения. 1976. М., 1977, с. 176—183).

³ Ср. письмо Пастернака Симопу Чиковани от 15 июля 1946 г.: «Июнь месяц я проторчал в городе из-за предисловия, которое писал к своим шекспировским переводам. Я ужасно боялся, что увязну в этой путанице мнимоученого многословия, какую всегда представляет собой каждая вековая большая тема, и только прибавлю к этому клубку какой-нибудь видоизмененный завтлок. Представьте себе, этого не случилось! Мне удалось в очень простых и понятных словах сказать много такого о Шекспире, что я узнал о нем за своими работами, и это на одном печатном листе!» (Литературная Грузия, 1966, № 2, с. 85). 5 октября 1946 г. Пастернак писал об этой же работе своей двоюродной сестре, известному филологу О. М. Фрейденберг: «Я с чрезвычайной, редкой удачей работал в последнее время, особенно весной и летом. Мне надо было к собранию пяти моих шекспировских переводов написать вступительную статью, и я не верил, что я это одолею. Удивительным образом это удалось. Я на тридцати страницах сумел сказать, что хотел о поэзии вообще, о стиле Шекспира, о каждой из пяти переведенных пьес и по некоторым вопросам, связанным с Шекспиром: о состоянии тогдашнего образования, о достоверности шекспировской биографии» (Семейный архив Бориса Пастернака, Москва). Заметки о Шекспире Пастернак писал одновременно с работой над переводами трагедий.

На намерение Пастернака написать предисловие к своим переводам из Шекспира могла оказать воздействие дискуссия, которая возникла в связи с публикацией в 1940 г. первого из его шекспировских переводов — «Гамлета». М. П. Алексеев в статье «„Гамлет“ Бориса Пастернака» (Искусство и жизнь, 1940, № 8, с. 14—16) нашел недопустимой ту «намеренную свободу», с которой Пастернак подошел к переводу, отметил смысловые искажения и неоправданную модернизацию текста. В то же время Н. Н. Вильям-Вильмонт в статье «„Гамлет“ в переводе Бориса Пастернака» (Интернациональная литература, 1940, № 7—8, с. 288—291) и М. М. Морозов в статье под тем же названием (Театр, 1941, № 2, с. 144—147), признавая отдельные неудачи, в целом сочли перевод замечательным достижением Пастернака, верно передающим сущность шекспировского стиля и одновременно органически вырастающим «из недр русского языка». Б. Соловьев в статье «В поисках „Гамлета“», сопоставляя переводы Пастернака, М. Л. Лозинского и А. Д. Радловой, находил в каждом из них свои удачи и просчеты и считал, что все они носят предварительный характер по отношению к будущему «настоящему» переводу «Гамлета» (Литературный современник, 1940, № 12, с. 140—148). См. также: Печать о «Гамлете» в переводе Б. Пастернака. — Литература в школе, 1940, № 6, с. 93—95.

⁴ По всей вероятности, редакция «Звезды» приняла «Заметки...» Пастернака к печати. Однако 14 августа 1946 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», Саянова на посту ответственного редактора «Звезды» сменил В. П. Дружин, и возможность появления «Заметок...» в журнале оказалась малореальной. 5 октября 1946 г. Пастернак писал О. М. Фрейденберг: «Экземпляр статьи есть в злополучной вашей „Звезде“ или „Ленинграде“ (т. е. в их редакциях) у Саянова или Лихарева, если у тебя есть общие знакомые, достань ее, пожалуйста. Мне хотелось бы, чтобы ты ее прочла, — хотя с таким же желанием я уже обратился к Ахматовой и Ольге Берггольц». Эту же просьбу он возобновлял в письмах к Фрейденберг от 11 и 15 октября 1946 г. («если у Саянова можно отобрать его экземпляр, это было бы очень хорошо»). 24 ноября 1946 г. Фрейденберг писала Пастернаку: «Саянов уже не имеет отношения к „Звезде“, а к Дружину у меня нет хода» (Семейный архив Бориса Пастернака).